

Те, которые заседали на Войсковых Кругах, которые выработывали государственные законы, принимали национальный гимн, флаг, принимали присягу служить только Казачеству, ныне заявляют, что все это было временно, случайно, тактика. И присягу приносили временно?! Принесены в жертву огромные материальные средства, пролиты реки казачьей крови и слез и за что?! — За „тактику“ сих господ. Лучшие сыны Казачества положили свою молодую жизнь за его только временную, случайную свободу?!

Сейчас одна часть из этих господ призывает заработанные казачьим потом гроши вносить в казну Николая Николаевича, другая — в фонд „Борьба за Россию“. Возвращаются снова к старым ошибкам, благодаря которым мы и владим свое существование за рубежом.

Но есть еще небольшое видоизменение их — „заграничный федерализм“. На этот „федерализм“, милостью Божией и русского народа, особенно падки наши казачьи демократы из российской кадетской партии. Это лица, которым ясно и определенно представителями русской общественности было сказано на конференции кадетской партии на Юге, что федерализм не приемлем для России, что это „живое измышление“.

Эти „демократы“, до сих пор не уяснили, что в истории изжитые стадии не повторяются, что то время, когда искренним стремлением к федерализму можно было привлечь к себе сердца, миновало безвозвратно, ушло в область преданий.

Федералисты-демократы выступают с разрешением вопроса по своему, минуя историческую дорогу, забывая, что „образование федеративного государства предполагает существование сторон, желающих федеризоваться, что все подобные объединения происходили до сих пор одним способом — независимые государства договаривались и федеризовались“ (Жордания). Конечно, „Российская федеративная демократическая республика и свободное казачество в ней“ — концепция очень „заманчива“, особенно для тех, кто слишком слабо эволюционирует в эту сторону от „Единой, Неделимой“.

Но никто из русских не желает пока федеризоваться с нашими „федералистами“.

Некоторые наши старшие „политики“ втягивали и опять втягивают казачество в партийную борьбу за все-русскую власть, приносили его в жертву, ради благополучия Единой и Неделимой, — для одних с монархом, для других с президентом, но в обоих случаях враждебной к Казачеству. Казачество же для них было лишь средством для достижения своих целей. Результаты их политики на лицо: мы — в изгнании.

Старые деятели все свои усилия направляют к тому, чтобы во что бы то ни стало подчинить своей воле и извести Казачество на роль слепого орудия в своих руках.

Нужно заранее поставить вопрос: за что казакам

бороться в дальнейшем, а не верить в живые формулы: победим большевиков, а потом разрешим все споры. Они для себя все вопросы заранее решили, а Казачество им нужно, как бесформенная масса. Обманчивы „надежды“ сих „простодушных“ политиков, полагающих, что мелкими шажками Казачество придет к новой жизни для одних „федеративной“, для других „с небольшой автономией“.

Мы, выполняя свой долг перед Родными Краями, обязаны разъяснить самым широким слоям казачества подлинный смысл этих политических „комбинаций“, чтобы эти слои сами стали активными участниками политики казачества. Мы совершили бы преступление, если бы мы несвоевременно сигнализировали о тех сдвигах и поворотах, которые наместились вокруг российского окружения Казачества.

Теперь, когда мы по настоящему приступили к разворачиванию нашего казачьего дела, к работе возрождения казачьих государств — старые „политики“, ставящие вопрос о Казачестве на ядний план, есть тормоз в нашей работе.

Исторические воли о „самостийной опасности“, которые испускает русская и в союзе с ней и наша демократическая пресса, достаточно ясно показывают в чем здесь гвоздь. Теперь с большей резкостью обозначились два пути — путь возрождения казачества, экономическое и духовное развитие его, и путь „правителей и управляющих“ казачеством — для охраны казаками русского народа от „нашествия иноземцев“ и „отеческой“ порки плетью, на тот случай, если бы русский народ восстал против своей будущей „горячо-любимой“ государственной власти.

Теперь в жизнь казачества внесена полнейшая ясность, проведен ясный водораздел между этими двумя путями. С одной стороны мы имеем иллюзии всех российских эмигрантских группировок с неизменной „высокослужебной“ ролью Казачества в будущей Неделимой; с другой стороны — ряды Вольного Казачества, с действительным стремлением к осуществлению казачьих прав и свобод. Нет основания, особенно нам, опасаться возрождения казачьих государств; они существовали и показали уже свою жизнеспособность.

Теперь каждому казаку необходимо вырешить вопрос не только против кого, но и прежде всего, за что бороться и выбрать один из двух указанных здесь путей.

Ориентация на себя, надежда только на свои силы — вот что устроит нам нашу жизнь, если мы хотим ее строить сами.

Пора оставить служение соседу, когда и свою хату нужно строить.

Необходимо раз и навсегда запомнить, что только в самом казачестве кроется залог успеха грядущей свободной жизни Казачества.

Д-р С. Федоров.

Донцы в наследии Чингис-Хановом.

(Окончание*).

В татарские времена население Дона пользовалось большой свободой и сохраняло познкую свою внутрисударственную независимость.

По установленным Чингис-Ханом порядкам, во всех Землях, входивших в состав его империи, вводилось однообразное административное устройство, в основу которого было положено число 10.

Нормально население давало в войско десятого человека; подать хану от населения податного составляла десятую часть его доходов. Те же племена или области, которые, по свойству своего характера, несли только военную службу, а не тяглую, в казну хана никакой подати не платили.

На последнем положении были и Донцы. Им за

слуги, из входящих в отправление военных обязанностей, ханы выдавали даже особое вознаграждение.

Из ханских средств оплачивались перевозчики, перевозившие через Дон, на Татарском перевозе, посылы, путешественников, купцов и т. п. лиц, проходивших по шедшему там почтовому тракту в ханскую ставку.

Донцы вели полукочевой образ жизни, не строя себе больших городов и крепких зданий из-за военных опасностей. Они жили в землянках, шалашах и турлучных домах, покинуть которые, в случае нужды, было не жалко и оборонять которые не имело смысла. Линия городов проходила севернее Переволоки. По Хопру, Вороне и всему Червленому Яру жило население более оседло и густо, но населенные пункты все же были значительно разбросаны и удалены от Золотоордынского центра; по крайней мере, об этом свидетель-

* См. № 11 В. К.

ствуют церковные антимиры церквей Подонской епархии, которые, из-за отдаленности, не могли быть освящены самим епископом.

Посетивший Подонье в половине XIII в. посол короля французского к хану, описывает Край как чрезвычайно красивую местность, с прекрасными лесами и реками, дающими массу добычи; по нем он ехал от переправы на Дону до Волги через Переволску десять дней.

Донцы мужчины, по его описанию, мужественны и храбры, отличные воины, закаленные, выдержанные и непряхотливые, нетребовательные для себя, но заботливые о своих семьях, женах и дочерях.

Женское же население он называет даже щеголихами — их платья оторочены дорогими мехами; головные прически они носят такие же, как и у него на родине, в Париже.

Ясно, что жившее под покровительством строгих законов Чингис-Хана донское население, никем не тревожимое и не обираемое, могло благоденствовать и быть зажиточным. Кроме добычничества и промыслов, оно занималось торговлей, а в последствии и горным делом — добычей серебра, из которого билась „сэммы“ — монета, ходившая в Золотой Орде.

Французский посол застал на Дону еще старую монетную систему, общую всей древней Руси — там ходила кожаные деньги: куны, веверицы (белки) и части их — „резани“ с разноцветными клеймами. Но в 36-х годах XIV ст. арабский ученый и путешественник, по дороге в Константинополь, проезжавший через Подонье из Золотой Орды в порт Судак, (в Крыму), с ханшей, дочкой византийского императора, писал о богатых серебряных рудниках, находившихся в одном дне пути от гор Окака. Город этот лежал на половине расстояния из Орды в Судак. Там выделывали сэммы весом в пять унций и он был одарен этой монетой от хана и ханши; эти деньги находили в XIX в. при раскопках Сарая.

Сэммы продолжали оставаться монетной единицей и в более позднее время — в XV веке на Дону и в Крыму, в бывших там Венецианских колониях.

Внутренняя организация донцов носила сотенное устройство, как и вообще у всех племен, обязанных исключительно военной службой.

Донцы имели своих выборных сотников; во главе десяти сотен стоял тысячник; десять тысяч сводились в корпус или „тиму“, которым командовал „темиш“, набираемый с согласия и ведома хана.

В мирное время военнообязанные люди несли сторожевую службу по охране северной донской границы и охрану почтовых трактов и ям.

Кроме того, они составляли конвои баскаков — монгольских губернаторов отдельных областей. В землях покоренных баскаки были из татар и находились в качестве комиссаров хана, при князьях и правителях; так было и на Руси. При баскаках содержался постоянный гарнизон, живший в татарских слободах, куда приезжали и татарские купцы.

В землях же союзно-вассальных баскаки были из представителей местного населения; такими они были и на Дону и исповедывали православную веру.

Баскакам непосредственно подчинялись сотники, т. е., собственно, сотня была гражданской административной единицей; высшие же соединения носили исключительно военный характер.

Суд и управа чинились по местным законам и обычаям, не расходившимся с Чингис-Хановым законником, книгой „Яса“. Кроме наказания смертью, телесных, применялось еще и тюремное заключение. В городах на Дону были свои тюрьмы, в которых всем разрешалось навещать заключенных; посещение заключенных духовными даже рекомендовалось, равно как и посещение больных.

В то грубое и суровое время, при известной чистоте нравов, отношения донского обывательства между собой не всегда бывали мягкими и добросердечными. По крайней мере, окружное епископское послание сарайского архиепископа, на обязанности которого лежала забота о нравственной стороне жизни паствы, уделяет много внимания мерам воспитательного характера. Епископ рекомендует мягкое обращение со слу-

гами и подчиненными, уважение к старшим и начальникам, заботы о больных, заключенных и т. д.

Социальная помощь населению, кроме забот о спасении душ пасомых, лежала на обязанности духовенства. Оно врачевало душу и тело и не только молитвами, но и действительными лекарствами — лекарские обязанности лежали на священниках, что было в духе восточных порядков, где духовное лицо одновременно было лекарем, магом и чародеем. Во время южных походов духовенство следовало за армией и несло также и санитарную службу.

Вообще же духовенство на Дону в монгольский период играло большую роль и пользовалось исключительной поддержкой местного населения, дружно стоявшего в обороне своих прав.

*

В истории донской жизни в татарский период церковные отношения 1280-х — 1360-х годов играли весьма важное значение. В это время на Дону происходила ожесточенная борьба за власть между епископами Рязанским и Сарайским; донское население, проявляя ясно выраженный сепаратизм в отношении центрально-духовной власти, поддерживало владыку Сарайского. Целью борьбы был культурный центр донцов — городки с их церквями и монастырями по р.р. Хопру, Великой Вороне и по всей прилегающей местности, носившей название Червленого Яра.

Все земли по р. Дону и его притокам, местность между Доном и Северным Донцем, т. з. Порелье (от находившихся там холмов-гребней, называемых реля), входили в состав епархии Сарайской и Порельской или Сарской и Подонской (названия не были перенесены время твердо установленны), основанной в 1261 г. Епископ ее имел пребывание большей частью в г. Сарая — ставке ханов Золотой Орды, находившейся на левом берегу Волги, а после того, как в состав Сарайской епархии была включена в бывшая епархия Переяславская, захватывавшая земли б. пограничного княжества Переяславского и в гор. Переяславле. Переяславская епархия была самой древней на Руси Киевской.

Территория Сарайской епархии была чрезвычайно обширна — она охватывала все позднейшие земли: Войска Донского, Запорожского и Слободские Украины, кроме районов чисто татарских, до самого Крыма и Северо-Кавказских православных митрополий. По всем этим степям жил люд еще „помнящий свою веру и породу“ древне-русскую, по выражению современного католика путешественника.

Это были бродники, берладники, севрука — вольные люди, носившие только разные названия, тяготевшие друг к другу предки вольного казачества.

Само собой разумеется, что когда по восстановлению рязанской епархии в 1283 г., после того, как она в Батыево нашествие 1237 г. была разрушена, бедный рязанский епископ потянулся к богатым церквям и монастырям Подонья.

В татарское время процветала и донская церковь — епископы сарайские владели ханскими ярлыками, обеспечивавшими церковную независимость, как в делах административных, так и в хозяйственном управлении. На церковь шла десятина доходов с земель и промыслов на этих землях. Кроме того, Сарайский епископ не был склонен уступать части своей паствы и по мотивам иного характера.

Население Подонья решительно противилось разрезыванию территории по живому телу и ни за что не соглашалось, не смотря на строгие увещательные послания митрополитов, принимать рязанского епископа и поставляемых им пастырей.

Епископы же Сарайские, чувствуя поддержку населения, не подчинялись или только видимо подчинялись решениям митрополитов и постановлению поместного собора в Коломне.

Одни из них, вследствие несправедливых, по их мнению, решений митрополитов, уходили на покой, другие были низложены, третьи принимали посвящение из рук митрополита Аланского. Последний имел резиденцию в гор. Бездеже (Белдизе — по гречески) на

среднем течении р. Кубани (в районе Усть-Лазы), как это видно по Каталонским картам XIV века.

Патриархи Константинопольские поддерживали централистические стремления митрополитов Русских и в конце концов митрополит Аланский, в половине XIV ст., объявил автокефалию своей древней митрополии, в состав которой вошли также епархии епископов Кавказского и Золотой Орды (Сарайского и Подонского).

Неизвестно чем бы закончилась церковная борьба, если бы на эти земли не нагрянули полчища Тамерлана и Тахтамыша и не смели с лица земли все города и культурные центры Кавказской, Донской и Поволжской территорий, подвластных Золотой Орде.

Пострадало тогда жестоко в Подонье, а по всей северной и Московской Руси появились бездомные люди, нанимавшиеся в батраки, носившие название казаков.

По всей вероятности, автокефальные тенденции взяли бы верх и епархия Сарайская могла бы совершенно из подчинения митрополиту Московскому. Разгром этих земель привел к ее упадку; городков осталось мало, одна часть населения ушла на север, другая на Яик, третья с порелья — Гребней на Кавказ в малую Кавказию, к религиозно родственным горцам.

Оборона церковного самоуправления всегда являлась отличительной чертой казачества. Впоследствии Войско Донское упорно обороняло свою церковную автономию от епископа и митрополита Киевского, пока, в конце концов, царская власть не сломила упорства казачества и не завела на Землях облыковенное епархиальное управление.

Описываемый период является одной из самых темных страниц истории донского казачества, еще требующих долгого и основательного изучения. Одно является несомненным, что жизнь его предков не замирала там до конца XIV столетия. События 90-х годов того века обезлюдили Дон, но не совсем. Пострадал Дон и еще немного ранее. После Куляковской битвы, Дмитрий Донской, не смотря на то, что донские казаки, как их уже тогда называют летописи, встречали победителя Мамаю с поклонами и хоругвями, вывел с Дона полон на Москву.

Впоследствии донской сосед, рязанский князь Олег, союзник Мамаю и противник Дмитрия, заключил с последним договор, по которому Московский князь обязался отпустить донской полон и не вступать в хоперские городки; это было между 1385 — 1420 г.г.

Никогда, ни при каких обстоятельствах еще не бывало, чтобы все население поголовно покидало населенный Край; так было у других народов, так было и на Дону. Наоборот, донская эмиграция стала возвращаться домой и уже в половине XV-го столетия на помощь Рязани против татар приходят казаки, а к концу этого столетия и в начале XVI-го, бегство на Дон принимает такой характер, что московский князь прикасывается рязанской великой княгине Аграфене ловить уходящих „самодурью“ на Дон и казнить их, или присылать к нему.

Нет сомнения, что донским „колонистам“ не сладко жилось в московском тяжелом строе и они возвращались в свои родные края, Отчину их дедов и прадедов, бывшие уже свободными и от татарского покровительства.

Думы и мысли казачьи.

„За измену России и Казачеству.“

Думы в слух.

...Кульминация цинизма. Манифестация застеночного „пракосудия“ и красноречивейшее *momento* поклонникам „доблестного служения“ Единой. Не исторический факт из давних времен, на которые мы так богаты в прошлом, но свежая, еще не заросшая рана настоящего. Не просто надругательство над дерзнувшим иметь свое святая святых, но злобное удушение самого стремления к исповедыванию своего Верую.

Казак душой и телом. Священник. Не поп. Честный до идеала. И не потому, что *доблесть oblige*, что на кристальную честность его обязывало положение. Честный потому, что таким родился, что таким его воспитала станица.

Выборный старшина Войска Кубанского, идейный и практический вождь партии „здорового смысла“, казак станицы Новошкловской Алексей Иванович Кулабухов мученически погиб...

— За что?

— „За измену России и Казачеству“.

Надеясь эта покрывала грудь повешенного. Ту грудь, где не было ни тени нелояльности к России и ничего другого, кроме беспредельной любви к Казачеству.

Действительно — кульминация цинизма. Формула признательности Казачеству Великодержавной Матушки великодержавных сынов...

Возмущение для одних и вечный, жгучий стыд для других казаков.

„Царь Иудейский“... на позорном кресте между разбойниками. Сатанинское надругательство над Дерзнувшим — для фарисеев, спасение и жизнь вечная — для уверовавших!..

— „За измену России“... России, разложившейся задолго до „измены“,

„и Казачеству“.

Какому?

Тому ли, что проповедывать свое Верую послало именно его, Алексея Ивановича, а само с оружием в

руках прокладывало путь к Москве через толщу Рязанских, Тамбовских и т. д. оболочек, или чиновным белым воробьям?

— Этим, последним.

Нарядившись в черкески, „статские“ и „тайные“, „превосходительные“ и „высокопревосходительные“ игрались в казаки. Ибо, что такое для них казак? — С какого конца его ни возьми — все равно — казак. И сотворили своего „казака“:

Слуга-раб у помещика — козачек-казак. Булавиц, Гордиенко, Резин, Некрасов и т. д. — разбойники. Кулабухов — изменник. Лихой ординарец — казак. Смелый, независимый вольнолюбивый станичник — вор и разбойник.

И игра в „казака“ не со вчерашнего дня. И в „казаке“ видели Казака лишь тогда, когда делалась Неделимая. Расползалась по всем швам... А стаяют казачьей кровью едино-делимую, как Смайл Ага — дарами дарят: кому — кол, кому два столба с перекладиной...

— Виси, мол, „за измену России и Казачеству“.

— Не нужен больше.

Формула эта жила за всю историю России и Казачества. Вилась до Кулабухова.

В мировую войну, например, все дырки казаками затыкали, а чуть что насчет валенок или там масла сибирского, —

— А вы то откуда изылись?

Какая то армия Петра Амьенского. На своих хлебах за Матушку Рассею дрались. К „частной инициативе“ за помощью прибегали:

— Вы не наши.

— Та шо ж ми, хіба ж — турецькі?

Вот тот — и оно-то. В том-то и беда наша. Бывали мы и „турецькі“, но по договору. И турчин „привітає сіромаху“. А русские — безоговорочно — рабов.

— Признай безоговорочно. Или ты —

„Изменник России и Казачеству“.

И признавали. Даже и здесь, после Кулабухова и Новороссийска, в великую казну трудовые двары и франки посылали, — чтобы и далее быть в „безоговорочном признании“.